

Д.Н.Мамин-Сибиряк. Избранные произведения для детей / Рисунки
Е.Мешкова. //Государственное Издательство Детской Литературы,
Москва, 1962
FB2: "Miledi ", 2008-03-09, version 1.0
UUID: 657c714f-351f-102b-868d-bf71f888bf24
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

На реке Чусовой
(Сказки и рассказы для детей)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0012
III.....	.0018
IV.....	.0027
V.....	.0033
VI.....	.0041
VII.....	.0044
VIII.....	.0050
IX.....	.0057
X.....	.0066

**Дмитрий Наркисович Мамин-
Сибиряк
На реке Чусовой**

По западному склону Уральских гор сбегает много горных рек и речонок, которые составляют главные питательные ветки бассейна многоводной реки Камы. Между ними, без сомнения, по оригинальности и красоте первое место принадлежит реке Чусовой, которая прорыла свое каменистое ложе сквозь скалы и горы на расстоянии нескольких сотен верст. Эта горная красавица представляет для судоходства почти непреодолимые препятствия, и поэтому нам особенно интересно познакомиться с тем, как преодолевает это препятствие простой русский мужик, даже не знающий грамоты. Свое начало Чусовая берет немного южнее Екатеринбурга, сначала течет

на север, а потом медленно поворачивает к северо-западу, пока не впадет в реку Каму выше города Перми верст на двадцать.

Сплавная часть Чусовой, то есть та, по которой возможно судоходство, тянется на 600 верст. Средняя часть этого течения, занимающая верст 400, составляет самую живописную полосу Чусовой и кончается как раз в том месте, где проходит через реку Уральская железная дорога. Здесь Чусовая выбегает окончательно из «камней», как бурлаки называют горы, и дальше уже течет по низменной равнине, где берега только иногда поднимаются высокими буграми, и на них, как исключение, попадаются те страшные прибрежные скалы, которые бурлаки называют бойцами. Самая красивая часть Чусовой вместе и самая опасная для плывущих барок: у бойцов «бьются» не только барки, но и люди гибнут десятками.

На всем своей протяжении Чусовая представляет совершенно пустынную реку, где прибрежные селения являются каким-то исключением. Правда, на Чусовой стоят несколько больших заводов, которые, конеч-

но, оживляют реку, но их слишком мало; затем остаются пристани, откуда отправляются барки; но пристани оживляются едва на один месяц в году, на время весеннего сплава, а на все остальное время точно засыпают...

А между тем Чусовая имела и имеет громадное значение для Урала, потому что по ней ежегодно сплавляется больше шести миллионов пудов разных грузов, одних бурлаков на чусовских пристанях каждую весну собирается до двадцати пяти тысяч человек.

Несколько лет тому назад мне случилось проплыть без малого всю Чусовую с весенним караваном, о чем я и хочу вам рассказать.

В последних числах апреля месяца, когда на открытых местах снег уже стаял и показалась первая бледная зелень, я подъезжал по самой ужасной дороге к одной из верхних чусовских пристаней. На Чусовой стоял еще лед, рыхлый я ржавый; в лесу лежал почерневший снег, но в воздухе уже чувствовалась весна, и с неба лились волны теплого весеннего света, заставлявшего высыпать из-под прошлогодних листьев зеленые усики молодой травки и набухать ветви берез, рябин и чере-

мухи. Весна на Урале, как и в других северных или гористых местах, наступает быстро, разом, так, что, собственно, пожалуй, и нет той весны, какая бывает на юге: переход от зимы к лету слишком резок, как и переход от лета к зиме.

В первую минуту я не узнал знакомой пристани, на которой бывал несколько раз летом и зимой. Обыкновенно тихая деревушка, с полсотней изб, облепивших крутой берег, теперь походила на живой муравейник, где копошились тысячи черных точек. В воздухе там и сям слышалась «Дубинушка»:

*Ой, дубинушна, ухнем!
Раззеленая, подернем...*

Улицы были запружены бурлаками, так что экипаж мог пробраться только шагом. Сейчас за деревней, на низком мысу, стояло десятка полтора почти совсем готовых барок, оставалось только кое-где проконопатить пазы (отверстия между досками) и залить их варом. Эта работа была не трудная, и совсем готовые барки только ждали момента, когда на реке тронется лед, чтобы всплыть на вольную

вешнюю воду.

– К Ермолаю Антипычу, – сказал я своему кучеру.

– Ладно...

Моя повозка остановилась у низенького, одноэтажного дома с большими окнами, выходящими прямо на реку. Я всегда любил этот низенький бревенчатый домик, в котором было так тепло и уютно, а между фуксиями и геранями, которые стояли на окнах, каждый раз мелькало розовое, улыбающееся личико маленькой девочки, Любеньки. Нужно сказать, что мы были большими друзьями, и Любенька звонко встречала меня каждый раз одной фразой: «Папа, папа! Городской человек приехал!» Любеньке было шесть лет с небольшим, и она нигде не бывала, кроме своей пристани, потому я и получил у нее название «городского человека».

– А то как же? Вы даже в Москве бывали и в Петербурге, – говорила девочка, недоверчиво поглядывая на меня светлыми глазками. – Конечно, городской, а вот я – деревенская...

В первый раз, когда Любенька услышала, что я бывал в Москве и Петербурге, она долго

не хотела верить такому чуду: никто из при-
станских не заезжал в такую даль. Москву и
Петербург можно видеть только в книжках с
картинками. Только когда Ермолай Антипыч
убедил маленькую дочурку, что я действи-
тельно был так далеко, Любенька наконец по-
верила и назвала меня городским человеком.
Впрочем, по выражению ее глаз я иногда за-
мечал, что она сомневается в своем город-
ском человеке и производит ему маленький
экзамен.

– Папы нет дома, – заявила Любенька на
этот раз. – Он на берегу, где строятся барки...

– Городской человек устал, Любенька, и хо-
чет чаю.

– Сейчас я скажу Марфе.

У Любеньки не было матери, которая умер-
ла года три тому назад, и всем хозяйством в
доме заправляла ворчливая, старая Марфа.
Домик Ермолая Антипыча разделялся на че-
тыре небольших, уютных комнатки, из кото-
рых одна была занята кабинетом Ермолая Ан-
типыча, в другой жила Любенька, а две по-
следних носили громкое название гостиной и
столовой, хотя могли быть названы и иначе,

потому что в столовой, например, стояла кровать хозяина, а в гостиной – его длинный письменный стол.

– Вы кстати приехали, – говорила Любенька, пока я в гостиной разминал разбитые дорогой ноги.

– А что...

– Да так... Река скоро тронется, будет очень весело. Барки мимо нас побегут. Потом свой караван будем отправлять... Как же!.. Из пушки будут стрелять на берегу... Я боюсь, когда из пушки стреляют...

– А когда, Любенька, Чусовая тронется?

– С часу на час ждут... Сплавщик Илья у нас вчера чай пил и говорил, что скоро уж. Барки готовы, бурлаки собрались... Да...

Маленькая хозяйка рассказала мне последние пристанские новости, которые, главным образом, вертелись все около того же сплава.

– Снега нынче глубоки, – серьезно рассказывала Любенька, – Илья боится, как бы дружная весна не ударила... По высокой воде много барок убьется.

Девочка передавала только то, что сама слышала от других, и говорила тем языком,

каким говорят только на Чусовой: «барка
убьется», а не разобьется, потому что для
сплавщика Ильи барка – не мертвая посуди-
на, а живое существо: «ударит дружная вес-
на», «снега выпали глубоки», «река тронется»
и т. д.

Едва Марфа успела подать кипевший самовар, как в передней послышались голоса Ермолая Антипыча и сплавщика Ильи.

– У нас городской человек, папа, – докладывала Любенька, выскочив навстречу отцу.

– Мы гостям рады, – отвечал Ермолай Антипыч, появляясь в дверях.

– Здравствуйте, Ермолай Антипыч, – здоровался я, пожимая руку хозяина. – Как поживаете?

– Чего нам делается: живем с Любенькой, как чирки в болоте. А вы к нам на сплав?

– Да, хотелось бы сплыть на караване до Перми...

– Что же, доброе дело: место найдется. Вот я Сейчас же и передам вас с рук на руки Илье... Где ты, Илья?

– Я сейчас, Ермолай Антипыч, – отозвался из передней Илья, – грязизи натащил на сапогах с улицы-то, надо обтереть, а то всю горницу вашу изведу...

– Да иди, ничего: грязь не сало, – высохло, отстало...

– Нет, это уже не порядок! Как же можно... Да барышня-то меня в другой раз и не пустит в горницу.

Сплавщик Илья наконец вошел в горницу, помолился в передний угол на образ и, трянув подстриженными в скобку волосами, поклонился на все три стороны, хотя в горнице, кроме нас троих, никого не было. Это был небольшой, сухонький старик с козлиной, темной бородкой, вылезавшей поверх синего, сермяжного кафтана клинушком: худое, желтоватое лицо Ильи не отличалось ничем особенным, за исключением глубоко ввалившихся, необыкновенно живых серых глаз, которые смотрели на все режущим, прищуренным взглядом. Короткие, кривые ноги Ильи ступали медленно и крепко, точно шагал какой богатырь; сгорбленная спина и вытянутые, длинные руки делали его фигуру очень некрасивой на первый взгляд, но такие спины и руки бывают только у тех тружеников, которые работают, не жалея себя.

– Ну, здорово живете, – проговорил Илья, расставляя широко ноги и засовывая одну руку за красную шерстяную опояску, которою

был перехвачен его синий кафтан.

– Здравствуй, Илья... Садись, так гость будешь.

Мы просидели за чаем незаметно целый час; разговор шел все время о Чусовой: когда она тронется, да как высока будет вода нынче, да не ударила бы дружная весна и т. д. – по пословице: у кого что болит, тот о том и говорит. Такие разговоры в квартире Ермолая Антипыча, вероятно, происходили последнее время изо дня в день, но они никому не надо-едали, как не надоедает музыканту говорить о музыке, охотнику – об охоте, актеру – о театре. Даже Любенька не находила эти разговоры скучными и вставляла в них тоненьким голоском свое детское словечко. Илья любил «испить чайку» и пил стакан за стаканом, пока оставалась вода в самоваре, причем, как мышь, отгрызал свой кусочек сахару и постоянно стряхивал крошки с него себе в блюдечко; старая Марфа всегда сердилась на старика за его «аппекит» к чаю, потому что после господ любила сама побаловаться около самовара, а тут изволь-ка ставить для себя другой.

– В чего он только пьет, этот ваш Илья? –

ворчала Марфа, сердито убирая пустой самовар со стола. – Дорвался до господского чая, рад ведро выпить.

– Теперь мы на берег сходим, – предлагал Ермолай Антипыч, обращаясь ко мне. – Вы, поди, не знаете, как и барки-то строятся?

– Нет.

– Вот Илья вам все, как по пальцам, расскажет...

Мы вышли. Весь берег Чусовой был запружен бурлаками; на мыске, где стояли магазины и совсем готовые барки, люди шевелились, как живая муравьиная куча. От домика Ермолая Антипыча до мыска было с полверсты, и мы все время шли между живыми стенами. На время сплава на чусовские пристани народ набирается со всех сторон: из ближайших уездов Пермской губернии, из Вятской, Уфимской и даже Казанской. Некоторые бурлаки приходят на сплав за целую тысячу верст. Такой дальний путь в весеннюю распутицу требует недель пять и крайне тяжело отзывается на бурлаках: испеченные на солнце лица с растрескавшейся кожей, вместо одежды – какие-то лохмотья, на ногах лапти, за

плечами – рваная грязная котомка, в руках – длинная палка, – по этим признакам вы сразу отличите бурлаков из дальних мест от рабочих с пристани и ближайших заводов.

– Здорово набралось бурлачков, – говорил Илья, когда мы начали спускаться под кручу берега. – Скворцы прилетят сперва, а за ними бурлачки...

Мы спустились по глинистой дорожке на самый мысок, где по берегу разместилось десятка два совсем готовых барок.

– Вот и наши посудинки, – любовно заметил Илья, постукивая кулаком в борт одной барки, которую еще конопатили. – Так носиками и глядят в реку...

Сплавщик Илья и вообще бурлаки относятся к барке, как к живому существу, которое имеет свои достоинства и недостатки, желания и даже капризы. Одна барка «любит сваливать нос направо», другая «вертится на ходу и прижимает корму к берегу», третья «лихо разводит речную струю», но «шалит под бойцами», и т. д. Опытный сплавщик, вроде Ильи, с первого взгляда видит достоинства и недостатки каждой барки, тогда как мне они

казались совершенно одинаковыми...

На другой день я ходил около барок, когда по всему берегу пронесся общий крик: «Вода на прибыль пошла...» Толпы народа бросились к реке. Где-то вдали слышался неясный, глухой шум.

– Это вода идет, – объяснил Илья. – Пришло, видно, времечко нашей кормилице Чусовой вскрываться... Вон как лед-то надулся! Сейчас тронется...

Вода быстро прибывала; лед отстал от берегов и дал несколько трещин. Шум усиливался, точно по реке ползло громадное животное, с подавленным шипеньем и свистом. Скоро весь лед зашевелился и образовалось несколько свежих полыней, точно льдины были разорваны какой-то сильной рукой.

– Воду из Ревдинского пруда спустили, – объяснял Ермолай Антипыч. – Чусовая иногда стоит долго, и вешняя вода может сбежать подо льдом. Чтобы взломать лед, спускают воду из Ревдинского пруда.

Ревдинский завод стоит в верховьях Чусовой, и его громадный пруд служит главным

запасом воды для сплава по реке. Обыкновенно выпускается громадный вал, который растягивается по реке верст на двести; это и есть тот паводок, по которому сплавляются весенние караваны.

Через час картина пристани изменилась совершенно, точно все разом ожило кругом с громким говором и веселым весенним шумом. По реке длинной вереницей плыли льдины всевозможных форм: одни – желтые от весенней наледи, другие точно были источены червями. На заворотах они сталкивались и лезли одна на другую, образуя ледяные заторы; особенно сильно напирал лед на мысок, где стояли барки; льдины, как живые, вылезали на песок и рассыпались здесь сверкающими ледяными кристаллами и белым снежным порошком. В воздухе потянула струя холода, а стоявший на Чусовой лес глухо зашумел. Откуда-то взялись вороны, которые, с беспокойным карканьем, перелетали с льдины на льдину.

– Ну, теперь нам самая горячая работа, только успевай поправляться, – говорил Ермолай Антипыч. – Нужно завтра спустить все

барки в воду и в три дня нагрузить. Каждый час дорог! Ведь на каждую барку нужно положить грузу тысяч пятнадцать пудов... На некоторых пристанях есть свои гавани, ну, там успевают нагрудиться заблаговременно, а нам приходится грузить прямо в реке.

Вся пристань приняла совершенно праздничный вид. Все разоделась в лучшее платье, какое у кого было. Пристанские мужики вырядились в ситцевые новые рубахи и новые кафтаны, на бабах запестрели яркие сарафаны и кумачные платки. Только не во что было разодеться бурлакам, которые пришли на пристань издалека. Им, вероятно, сделалось еще тяжелей от этого чужого праздника.

– Ох, скорее бы сплав, – говорил седой старик, глядя на реку.

– А что, дедушка, больно торопишься?

– Да как не торопиться-то, родимый... Время-то теперь какое стоит? День прошел даром, – зимой неделя голодная... Как же? Пашня не ждет нашего брата, пока мы валандаемся по пристаням-то... Вон скоро и Еремей-запрягальник... Только ленивая соха в поле не выезжает к Еремею-то...

Еремей-запрягальник, то есть 1 мая, в жизни пахаря – великий день; им открывается летняя крестьянская страда, от которой зависит заработок целого года. Поэтому-то пришлые бурлаки-крестьяне и торопятся поскорее вернуться по домам.

На другой день происходила «спишка» барок. До двух тысяч бурлаков собралось на мысу. От барок к воде проведены были «склизни», то есть толстые бревна, смазанные дегтем; по этим склизням барку и спихивали в воду. Крику и суеты при таком важном событии было много. Барку с одной стороны сталкивали «чегенями», то есть деревянными кольями, а с другой – удерживали толстыми канатами, снастью. В воздухе висела стоголая «Дубинушка», все лица были оживлены, громкое эхо катилось далеко вниз по реке и гулко отдавалось на противоположном берегу. Ермолай Антипыч с раннего утра был здесь, потому что необходимо было поспеть везде, все предусмотреть, везде отдать необходимые приказания. Крик рабочих и дружная бурлацкая песня на спишке – все это на первый раз производило оглушающее впечатление.

чатление, как на громадном пожаре, где люди совсем потеряли голову и напрасно надрыывают себя в бесцельной суете.

– Барку заело!.. – слышится крик десятка голосов около спихиваемой барки. – Право плечо подчегенивай... Евмен, травы снасть-то!.. Навались ужо, родимые!..

Сильнее других кричал сплавщик Илья, в одной рубахе бегая по барке, которую «заело», то есть остановило при спуске по склизням. Десятки голосов спорят и кричат во все горло; всякий лезет с своим советом, и никто не хочет слушать. «Левое плечо заело!» – «Нет, льяло заело!» – «Ворот надо подставить, Илья!» Барка сдвинута с платформы, на которой строилась, на склизни, но дальше не идет.

– За самое днище держит! – слышатся голоса.

– Склизни смазать надо, робя...

Дело кончилось тем, что Илья обругал всех непрошенных советчиков, сам слазал под барку и осмотрел, где ее заело. Подвели несколько клиньев, и барка медленно сползла по склизням, вспенив воду широким валом. По реке плыли редкие льдины, которые точно

торопились поскорее уплыть от общей суматохи.

Спущенную в воду барку сейчас же на канате подвели к магазинам с металлами. С берега на борт было перекинуто несколько сходней; несколько сот бурлаков уже ждали очереди начать нагрузку. Я забрался на носовую палубу, чтобы посмотреть, как пойдет бурлацкая работа. Здоровый мужик с рыжей бородой распоряжался все время, пока устраивали сходни; старик Илья подошел ко мне и, вытирая вспотевший лоб платком, присел на какое-то бревно.

– Это сплавщик? – спросил я, указывая на рыжего мужика.

– Нет, сплавщик-то я, а рыжий мужик – водолив... Вавилом звать. Как барку на воду спустили, тут уж водолив должен ее на себя принять, – вся барка его. Течь где покажется, пакля вылезет из пазов, вода накопилась на барке – все это наблюдает водолив...

– Значит, настоящий хозяин на барке водолив, а не сплавщик?

– Водолив, барин... Без его спросу никто не может войти на барку или сойти, потому как

он за все в ответе. А сплавщик – другое: вот теперь я должен смотреть за нагрузкой, штобы правильно грузили, а то как раз барку убьешь; потом я должен в целости представить барку до самого места... Это уж мое дело...

Как только сходни были готовы, на барку бесконечной вереницей двинулись бурлаки с тяжелыми ношами в руках. Барка Ильи, как лучшего сплавщика, грузилась сортовым железом, то есть самым ценным материалом, который может много потерять, если попадет в воду. Бурлаки, как муравьи, тащили на барку связки всевозможной формы; среди топота сотен бурлацких ног и резкого лязга нагружаемого железа трудно было расслышать человеческий голос. Илья едва успевал распоряжаться, куда и как класть принесенное железо; скоро около бортов и по середине барки образовались правильные кладки листового железа... Барка медленно садилась все глубже: Илья постоянно справлялся с мерой осадки и прикидывал опустившуюся часть бортов в воду при помощи деревянной наметки, разделенной на вершки.

Вообще работа кипела. Красные, вспотевшие лица бурлаков, кряхтенье и усталые движения свидетельствовали о тяжелой работе, какая выпала на их долю. Для непривычного человека два часа такой работы тяжелее целого рабочего дня где-нибудь на пашне; тащить железную полосу весом в 3–4 пуда – нужно силу, а потом и сноровку. Привычные к такой нагрузке пристанские бурлаки только посмеивались, а крестьяне, которые были на сплаву в первый раз, просто выбивались из сил. Почти целая наука существует о том, как легче поднять такой-то сорт железа, как его легче тащить до барки и как класть на место. Неопытный рабочий сначала напрасно обдерет себе до крови руки о железо, а потом уж научится, как и что следует делать.

– Теперь у нас заварилась каша на целых три дня, – говорил Ермолай Антипыч, когда пришел посмотреть, как грузится барка Ильи. – Днем и ночью будем работать.

– А спать когда?

– Бурлаки будут работать сменами; пока одна смена работает, другая отдыхает. А мы, видно, уж так... Если вздремнешь часик-дру-

гой в сутки, – твое счастье, а то и так на ногах сон износишь. Нельзя, каждая минута дорога. Вот караван отправим, тогда успеем отдохнуть. Да чего спать: поесть некогда... Марфа мне обед принесла в магазин; так я уж на ходу кое-чего Поел: на все стороны тебя рвут.

IV

Нагрузка продолжалась в течение трех дней, причем работа кипела и по ночам, при свете громадных костров на берегу. Картина пристани в такую ночь была поразительная, точно это был разбойничий притон, где ночью старались захватить то, чего нельзя было взять днем.

Лично для меня эти три дня тянулись очень медленно, как для человека совершенно лишнего в этой трудовой суете. Даже ходить и смотреть, как грузятся барки, надоело порядочно, потому что повторялись одни и те же картины, сцены и разговоры. Но зато на самой пристани, где кишмя кишели бурлаки, было что посмотреть и послушать, и я целые дни проводил среди оборванного и голодного люда. Кого-кого только не было в этой разношерстной, вечно галдевшей толпе! Народ набрался с четырех губерний, и всякий принес с собой свой говор, покрой платья, свои особенности в привычках и характере. Но было и общее в этой разноплеменной толпе: всех собрала здесь одна сила, имя которой – нужда.

Загорелые лица, лохмотья и рубища вместо одежды, и – заплаты, заплаты, заплаты... Нужно заметить, что на весенний чусовской сплав идут только самые последние бедняки, из самых бедных деревень и деревушек: случайные несчастья – вроде неурожая, засухи, пожара, скотского падежа и разной другой крестьянской беды – заставляли самых сильных рабочих в семье оставлять деревню и брести иногда за тысячу верст.

...Когда Ермолай Антипыч сказал, что ему и пообедать будет некогда в эти дни, я сначала не поверил, – мало ли что говорится для красного словца, – но потом пришлось поверить, потому что он приходил домой всего часа на два в день, а все остальное время проводил около магазинов. Таким образом, мы с Любенькой оставались вдвоем и подолгу разговаривали от нечего делать, особенно по вечерам. В комнате так тепло и уютно, самовар ворчит так дружелюбно на столе, разные булочки и сухари выглядывают из хлебной корзинки так аппетитно, – право не хотелось даже верить, что вот тут, сейчас за стеной, широкой волной разливается самая горькая бед-

ность, которая рада всякой заплесневелой крошечке. Те маленькие удобства, которых не замечаешь обыкновенно, теперь мне казались необыкновенной роскошью, за которую было просто совестно: сидеть в теплой уютной комнате, иметь отличный обед, чай, газету, теплое платье, когда сотни людей голодают и мерзнут, когда есть, может быть, больные, которым не на что даже купить простого ржаного хлеба; нет, быть тепло одетым, иметь теплое помещение, хороший стол, – это действительно величайшее счастье, которого люди, в большинстве случаев, не умеют ценить, как не умеют здоровые ценить своего здоровья...

– А знаете что, – говорила однажды Любенька, когда мы сидели за вечерним чаем. – Я иногда думаю про себя, неужели наши пристанские барки доплывут до Петербурга?..

– Вероятно, половина доплывет и до Петербурга.

– А мне так не верится: какая-нибудь пристанская барка и вдруг будет в Петербурге!

– Да, и пойдет, по всей вероятности, на дрова и заборы. Честь не особенно большая.

Любенька, никогда не выезжавшая со своей пристани, составила себе о столице самое фантастическое понятие, как о каком-то волшебном городе, где улицы состоят сплошь из пятиэтажных домов, ночью от газовых фонарей светло, как днем, на каждом шагу – блестящие магазины, по мостовой вихрем несутся богатые экипажи с нарядными дамами и мужчинами, и нигде даже малейшей тени нет ничего похожего на бедность или нищету.

По вечерам, когда Любенька давно уже спала со своими мечтами о Петербурге, я открывал окно и долго любовался великолепной картиной, катившейся с глухим рокотом Чусовой, сплошным лесом, который зеленой зубчатой стеной поднимался сейчас же на том берегу, далекими горами, чуть повитыми туманной дымкой. Вся пристань ночью засыпала мертвым глубоким сном, какой нарушался только редким лаем цепных собак да глухим шумом, который доносился со стороны грузившихся барок. Оттуда, вместе с холодной и сырой струей воздуха, поднимавшегося с реки, тянуло смолистым дымом горев-

ших костров. Река совсем очистилась ото льда, и только изредка на ней показывались белыми пятнами запоздавшие льдины; вероятно, они плыли из какого-нибудь бойкого горного притока. Однажды, когда я таким образом сидел у окна и любовался спавшей пристанью, в воздухе с шумом и свистом пронеслась стая кряковых уток. Слышно было, как она опустилась в воду у противоположного берега, и черные точки долго бороздили темную речную струю, оставляя позади себя длинный, двоившийся след. Река вскрылась, и теперь по всему течению кипела не менее хлопотливая работа, чем на пристанях: кряквы, шилохвости, гоголи, чирки и другие представители утиной породы торопливо вили гнезда по разным укромным местечкам, чтобы через несколько недель выплыть на Чусовую с целым выводком крошечных желтеньких утят. В поднимавшейся осоке уже скрипел коростель, а по песчаным отмелям можно было видеть целый день бегавших куликов и бекасов.

Начинались те белые ночи, какие обыкновенно бывают на Урале; небо совершенно

прозрачно, и с бездонной голубой выси льется трепетный, дрожащий свет, который покрывает матовым серебром все – и лес, и горы, и воду.

Пока шла нагрузка, вода на Чусовой спала почти до прежнего уровня, – вал, выпущенный из Ревдинского пруда, прошел. Весенние чусовские караваны отправляются вниз по этому валу, который растягивается по реке верст на двести; для этого второго, самого главного паводка вода из Ревдинского пруда выпускается иногда в течение двух суток. Вода в реке поднимается на несколько аршин; но караваны могут плыть вниз только по определенной высоте такого паводка: он должен стоять выше летнего уровня воды на Чусовой от 2 1/4 до 3 аршин. Если вода стоит ниже, тогда караванам грозит опасность обмелеть; если выше, – барки рискуют разбиться около бойцов. Понятно поэтому, с каким нетерпением на пристанях ждут второго вала: от него зависит весь успех сплава...

– Вода идет... Вода!.. – пронеслось по улице рано утром, когда я еще спал.

Вся пристань собралась на берегу. Выползли самые древние, полуслепые старики и старухи, чтобы хоть одним глазом посмотреть,

как будет «отваливать» караван с пристани. Ледоход и отвал каравана – два великих праздника на пристани для старого и малого. Все, что есть живого и имеющего хоть малейшую возможность двигаться, все до последнего человека выползает на берег; откуда-то появляются калеки и увечные: у одного ногу раздавило при нагрузке тяжелой железной крицей, другому «на хватке» руку перерезало снастью, третий не владеет ни руками, ни ногами от ревматизма, полученного на съемке обмелевших барок. Для этих несчастных инвалидов чусовского сплава каждый ледоход и отвал только лишний раз напоминает об их несчастье, но они все-таки толкуются на берегу: «Хошь часок погалдеть с бурлаками, и то на душе легче». Лето да зима долги, успеют еще насидеться и належаться по избам.

– Ноне вода самая мерная, – говорил Илья, осматривая свою совсем готовую барку. – Авось сплывем помаленьку.

– Не загадывай вперед, Илья, – останавливал рыжий водолив, отличавшийся вообще очень «сомнительным» характером и недоверчивостью.

Барка Ильи называлась «казенкой», потому что на ней плыл караванный приказчик, и по этому случаю на палубе была устроена небольшая каюта, около которой поднимался «глаз», то есть высокая мачта с разноцветным пером наверху, что-то вроде павлиньего хвоста. На всех пристанях устраиваются такие же казенки; при них существует особый разряд бурлаков, известных под именем «косных». Косные выбираются из самых лучших бурлаков и щеголяют во все время каравана в кумачных рубахах и в шляпах с разноцветными лентами: по этим лентам и различаются косные разных пристаней. Свое название косные получили от косной лодки, на которой они разъезжают от барки к барке с разными приказаниями приказчика...

Мне тоже предложили поместиться на казенке, в каюте приказчика, и, как только вода пошла на прибыль, все мои пожитки из квартиры Ермолая Антипыча перешли в каюту.

– А вы не трусите? – спрашивал меня на прощанье Ермолай Антипыч.

– Пока ничего, а вперед не ручаюсь...

– Помните только одно, – советовал доб-

рый старик, – не нужно торопиться... Народ глуп: чуть барка задела о боец, – все в лодку; а где же в одну поместиться шестидесяти человекам? Друг друга топят... А вы смотрите на сплавщика: что он будет делать, то и вы делайте.

Мне оставалось только поблагодарить за хороший совет.

Ермолай Антипыч с Любенькой проводили меня до самой казенки, где хлопотал Илья с бурлаками и косными. Все барки были готовы тронуться в путь и вытянулись вдоль берега в одну линию. Вода с шумом все прибывала и прибывала; по реке неслись доски, бревна и свежие щепы, захваченные водой по верхним пристаням. Бурлаки давно разместились по баркам и тащили под палубы свои котомки; плыть по реке придется дня четыре, нужно было запастись на все время хлеба, сахарей и кой-какого приварка на всякий случай. Работа впереди предстояла тяжелая, и похлебать чего-нибудь горяченького усталому бурлаку было особенно необходимо, чтобы окончательно не выбиться из сил...

– Ну, Илья, пора отваливать, – решил Ермо-

лай Антипыч, поглядывая на часы. – Как бы сверху караван не набежал... Сколько воды стоит?

– Одиннадцать четвертей, Ермолай Антипыч...

– Отваливай, Илья, отваливай!..

Ермолай Антипыч с Любенькой последними оставили нашу барку. Бурлаки встали к поносным,[1] водолив сбросил сходни. День был солнечный, светлый, весь берег покрылся первой бледной зеленью, в лесу заливались прилетевшие птицы...

Илья глубоко надвинул на голову свою войлочную шляпу, оглянулся на усыпанный народом берег и скомандовал:

– Отдай снасть!..

На берегу засуетились, и в воду тяжело шлепнулся толстый канат; барка точно вздрогнула и начала отделяться от берега.

– Нос налево, молодцы! – крикнул Илья, и носовые потеси тяжело бултыхнули в воду, распахнув ее на две широкие вспенившиеся волны.

На берегу сверкнул огонь, и по реке гулко прокатился первый пушечный выстрел, за

ним – другой, третий... Белый дымок взмыл кверху, точно в воздух бросили охапку пуха. Весь берег с домами, сотнями народа, с магазинами и стрелявшими пушками точно поплыл от нас назад, вверх по реке. Одна барка отваливала за другой, начиная тяжело загребать воду потесями. Я стоял на корме и долго смотрел на уплывающий берег, где в воздухе мелькала белая точка: это Любенька махала городскому человеку своим платком.

Река скоро сделала крутой поворот, и пристань скрылась совсем из виду. Барка плыла в крутых зеленых берегах точно между двумя стенами; вода пенилась и журчала под носом барки и била в берег пенившейся волной... Чусовая была неузнаваема... Река именно «играла», как говорят бурлаки про весенний паводок; более удачного названия трудно и подобрать. Даже на плесах, то есть на таких местах, где летом вода стоит тихо-тихо, как зеркало, теперь широким током катилась могучая волна, которая на крутых поворотах превращалась в бешеного зверя. Около вогнутой части берега образовались майданы, то есть ряды сильных волн, которые с шумом разби-

вались около бортов барки и с диким ревом лезли на берег, жадно обсасывая береговые камни.

– Поддержи корму, молодцы!.. – кричал Илья, взмахивая рукой. – Корму поддержи... Корму...

Потеси с глухим шумом падали в воду, и барка вздрагивала от топота бурлацких ног. Теперь она была действительно живая, одно громадное целое, слепо повиновавшееся одной воле. Отдельные лица бурлаков слились в одну сплошную массу, точно по палубе ходила серая волна, а потеси буравили, пенили воду, как громадные деревянные руки.

Я долго любовался сплавщиком Ильей, который стоял теперь на своей скамеечке в своем синем кафтане и красной опояске, как настоящий полководец: по одному движению его руки, как перышки, летали в бурлацких руках потеси, и барка медленно поворачивала носом туда, куда ей следовало поворотиться. Прежнего Ильи, который пил с нами чай у Ермолая Антипыча, точно совсем не стало, а был совсем другой человек, от которого зависела участь не только барки, но и всех бурла-

ков. Спокойное выражение лица, уверенный взгляд прищуренных серых глаз, твердый голос, – одним словом, Илья сразу переродился.

– Ну, что, барин, хорошо наша Чусовая играет? – спрашивал меня Илья, когда барка выплыла на широкое плесо.

– Да, ничего...

– А вот камушки подойдут, там она уже утешит нас, голубушка... Небо с овчинку покажется с непривычки!

VI

С каждым шагом вперед перед глазами раз-
свертывалась бесконечной лентой величе-
ственная горная панорама. Горы сменялись,
выступая в реку громадными скалами в
несколько десятков сажен высоты. Обыкно-
венно такие скалы стояли на крутых поворо-
тах реки, на ее вогнутом берегу, так что вода-
ная струя прямо несла барку на такую скалу,
на боец. Здесь, на этих обнаженных утесах,
можно было видеть результаты разрушитель-
ного действия воды. В течение тысячелетий
река шаг за шагом размывала каменные го-
ры, обнажая громадные, каменные стены,
точно созданные руками каких-то гигантов,
а не слепой стихийной силой. Таких боевых
мест слишком много на Чусовой, чтобы опи-
сывать каждое в отдельности; самые опасные
бойцы имеют собственные названия, а менее
опасные просто называются боевыми места-
ми...

Как теперь вижу одно такое боевое место.
Река катилась в сравнительно низких бере-
гах, горы остались назади; барка плыла по

вольной струе легко и свободно. На берегу зеленел густой ельник; отдельные деревья подходили к самой реке и протягивали лапистые, мохнатые ветви далеко над водой...

Я долго всматривался вперед, – река катилась в таких же зеленых берегах, как раньше, только впереди слышался глухой шум. «Это, вероятно, „зайчики“ играют», – подумал я, стараясь разглядеть опасное место. Через минуту все дело объяснилось; дорогу реке перегородила невысокая каменистая гора, и река образовала под ней крутое колено, чуть не под прямым углом. Вода здесь страшно бурлила и пенилась, и вверх по реке далеко поднималась пенистая грядка больших волн. Скоро барка попала на «зайчики», ее подхватило сильной струей и быстро понесло вперед, прямо на каменистую горку. Поворот был так крут, что я на минуту считал опасность неотвратимой, тем более что барка стрелой летела по «зайчикам» прямо на камни. Задача заключалась в том, чтобы пройти у противоположного берега; корма мутила воду, задевая за берег, нос был повернут к струе, которой его отбивало тоже к берегу. Одно мгнове-

ние, и барка птицей пролетела под камнем, оставив игравшие «зайчики» назади.

– В третьем годе здесь три барки убилося, – говорил Илья, когда барка опять спокойно плыла по широкому и гладкому плесу.

Нужно было видеть, как работали бурлаки около «зайчиков». На барке – ни звука, все замерло, и едва успевала сорваться команда Ильи, как потеси начинали уже неистово грести воду, разгоняя по всей реке пенистую широкую волну.

– Славно работают бурлаки, – заметил я Илье.

– Ничего... Вон погляди на наших пристанских... любо-дорого. В них – вся сила, а пришлые – те только так мешаются. Погляди, как пристанские подбрасывают поносное-то... Игрушка, а не работа!

VII

— Скоро Межевая Утка, – говорил Илья. – А там уж вплоть до Кына все в камнях побежим...

Межевая Утка, как пристань, очень красивое селение, дворов в полтора ста; на берегу стоит старая часовня, на стрелке между Уткой и Чусовой – красивая караванная контора и очень хорошая гавань, где строятся и грузятся барки. Крепкие избы, расположенные по плану, несколько домов в два этажа, лавки – все это придает Межевой Утке зажиточный и довольный вид...

– Вон они, камешки-то, – говорил Илья, закидывая голову назад. – Вверх поглядеть, так и шляпу потеряешь...

На самом верху этих каменных дворцов чернеют покосившиеся деревянные кресты. Это единственный памятник, который оставляют бурлаки над погибшими товарищами, зарытыми где-нибудь на противоположном берегу, где топорщится своими опущенными ветвями верба.

– А много бурлаков погибает на сплаву? –

спрашиваю я Илью.

– Всяко случается, барин... Другой сплав господь пронесет все караваны милостиво; только это редко бывает. Человек пяток – десяток все-таки погибнет с барок... Бывали и такие весны, что и все сто человек тонули. Много нашего брата, бурлаков, по Чусовой закопано на берегу.

Скоро мы увидели на самом деле то, о чем говорили кресты на скалах. Пониже деревни Пермяковой, когда наша барка начала огибать крутой мыс, раздался общий крик:

– Убитая барка!.. Барка убилась!..

Илья, заслонив глаза от солнца рукой, пристально смотрел вдаль. В полуверсте от нас из-под бойца плыла какая-то бесформенная масса, которую трудно было принять за барку. Видно было, что по реке плыло что-то большое, с торчавшими досками и бегавшими людьми.

– Ох! левым плечом черпнула воды, сердечная, – проговорил Илья, продолжая наблюдать убитую барку. – Вон люди-то как копошатся в воде, точно тараканы!

Ближе обозначалась корма тонувшей бар-

ки с бессильно висевшим в воздухе поносным; разбитая барка опускалась в воду все ниже и ниже, тихо заворачиваясь по течению, кормой вперед. В воде мелькали черные точки: это были бурлаки с разбитой барки. Косная лодка плыла по роке без людей, до краев налитая водой. Вероятно, в суматохе рабочие побросались в нее, и лодка перевернулась от непосильной тяжести.

– Ох, дрянь дело... Как бы она нам реку не загородила, – хлопотал Илья. – Ишь как ловко пришлось: так дохлой коровой и плывет по реке... Ударь, братцы, нос-то налево! Сильно, гораздо ударь, молодцы!.. Ударь, голубчики!.. Нос налево!.. Нос налево!..

Боец приближался к нам и быстро вырос в большую известковую скалу, упиравшуюся в реку острым гребнем. Об этот гребень, вероятно, несчастная барка и ударилась. На берегу бестолково бегали выплывшие рабочие, некоторые сидели и безучастно смотрели на плывшую мимо разбитую барку. Какой-то седой старик в красной рубахе бежал по берегу к нам навстречу, размахивал руками и что-то громко кричал. За шумом волн и

скрипом потесей ничего нельзя было слышать.

– Ударь корму-на-конь!! – неистово закричал Илья, когда наша барка стрелой полетела к бойцу. – Родимые, не выдавай!

Трудно передать наступившую торжественную минуту: на барке царило гробовое молчание, бурлаки дружно подхватывали команду, и потеси летали, как перышки. Вот уж несколько сажен осталось до бойца, можно отчетливо рассмотреть каждую зазубрину на нем; вода, как бешеная, мечется и рокочет у его подножия... Нас отделяло от бойца каких-нибудь пол-аршина, когда барка медленно повернула от него нос и опасность миновала. Вода клокотала кругом, точно в котле, волны лезли на борта, как голодная стая волков.

– Шабаш-нос-от! – скомандовал Илья, снимая шляпу, чтобы перекреститься.

Барка была на вольной воде и тихо плыла дальше, мимо столпившихся людей на берегу. Все были мокрые, многие без шапок; что-то кричали вдогонку нам, но их крики трудно было слышать. Тут же кого-то откачивали на растянутом кафтане. Видно было только,

как болталась бессильно голова и дрыгали босые побелевшие ноги.

– Двое захлебнулись, – коротко заметил Илья.

На берегу, под таловыми кустиками, виднелись две неподвижно лежавшие фигуры, прикрытые дырявым зипуном. Мелькнуло посинелое лицо с мокрыми волосами, судорожно сжатая рука – и только. Кто эти жертвы сплава? В какой деревне две семьи будут оплакивать дорогих покойников, может быть, единственных кормильцев? Какие дети осиротели в каких-нибудь четверть часа?.. Грустно и тяжело было смотреть на эту слишком обыкновенную картину для Чусовой... Река так же весело катилась вниз, лес так же зеленел на берегу, и над людским горем чиликала свою беззаботную песенку какая-то безыменная лесная птичка.

...Мы скоро нагнали «убитую» барку, она тихо плыла возле самого берега; палуба была сорвана, и из-под нее выглядывали рогожные кули. Весь груз был подмочен.

– Вишь, как исковеркана, – говорил Илья. – Не знаешь, к чему и применить... Левым пле-

чем ударил о боец, вон и поносное носовое сорвало. Ох-хо-хо!..

Немного дальше в воде мелькнуло человеческое тело. Косные бросились к лодке его вытаскивать, но утопленник скрылся под водой.

– Еще упокойничек, – заметил Илья.

Косные ни с чем вернулись на барку. Производить дальнейшие поиски они не могли, потому что своя барка не ждет, да и мертвый человек не нуждался ни в чьей помощи. Все равно шальной волной где-нибудь выкинет на берег, на песчаную отмель, а там добрые люди подберут и похоронят.

VIII

Немного повыше Кыновской пристани в Чусовую впадает небольшая горная речка Серебрянка, а верстах в двадцати пониже реки Серебрянки на Чусовой стоит Кыновский завод, или, как его называют бурлаки, просто – Кын. Это не русское слово, а перешло к нам из пермяцкого языка: по-пермяцки «кыну» значит «холодный». И действительно, трудно себе представить что-нибудь бесприютнее и глуше Кына. Представьте себе глубокое ущелье, точно нарочно вырезанное из камня; по дну этого ущелья катится небольшая речонка, а по ее берегам расположились заводские домики, заводская фабрика, магазины для металлов. В глубине синееет полоса заводского пруда, и дымятся несколько доменных печей; ближе – белая каменная церковь, заводская контора и еще несколько домов с железными крышами.

– Нам этот Кын вот где сидит, – объяснил Илья, показывая себе на затылок.

– А что так?

– Да так... Видишь, как Чусовая-то выгиба-

ется здесь, пристань кыновская-то в самой излучине и стоит, ну, струей-то и сносит наши барки прямо на пристань, на кыновские барки. А пониже-то – перебор: либо о кыновские барки убьешься, либо на переборе... Выбирай любое да лучшее. Тут досыта бурлаки напарят лбы-то! Ну, милые, похаживай, нос направо!..

Мы прошли под Кыном благополучно, хотя бурлакам и досталось порядочно. Можно было удивляться их выносливости, а между тем впереди представлялось еще два дня пути, – это в счастливом случае, конечно.

– В сутки-то все часов восемнадцать у поносного выстоят, – говорил Илья про бурлаков.

– Да ведь это лошадиная работа!..

– Что будешь делать! Река-то нас не будет ждать...

– А отдыхать когда?

– А вот скоро и отдых будет: схватимся под Осянкой. Пристань есть такая, пониже Кына, ну, за ней и хватка будет... Часов шесть простоем у берега, пусть вода догоняет нас, Да и людям тоже отдохнуть надо...

Я с нетерпением ждал хватки. Еще раньше

мне много приходилось слышать разных рассказов о таких хватках на весеннем сплаву: как вырвало ухват, за который наматывают снасть, как перегорает этот ухват или огниво, как убивало и калечило людей лопнувшей снастью и т. д. Остановить барку с пятнадцатью тысяч пудов груза на такой быстрой реке, как Чусовая, – задача нелегкая.

– Вавило, снасть надо готовить, – проговорил Илья, когда мы проплыли Ослянку, последнюю пристань, где грузятся барки. – Засветло хвататься следовало.

Действительно, солнце уже начинало закатываться, и по реке от скал и леса потянулись длинные тени. Ночь здесь наступает с поразительной быстротой, а вместе с ночным сумраком надвигается пронизывающий весенний холод, который ползет на реку из глубоких логов, где еще лежит нерастаявший снег.

Водолив Вавило, неразговорчивый, суровый мужик, молча отправился за заднюю палубу и молча начал приводить в порядок снасть, то есть толстый канат, свернутый правильными кольцами. Последнее очень важно, чтобы при хватке снасть не путалась, а

развертывалась свободно.

– Готово, – отозвался Вавило, становясь около огнива.

– Косные, садись в лодку! – скомандовал Илья.

Человек шесть отборных косных отправились в лодку и захватили с собой половину размотанной снасти.

– Тут, молодцы, как барка выбежит за мысок, есть излучина, – объяснил косным Илья, – а в излучине, на левом берегу, стоит матерый пенёк... Вот за него и крепи снасть!

Барка обогнула мысок, и впереди мелькнуло широкое плесо, с той излучиной, о которой говорил Илья. Вода здесь неслась не так бешено, как раньше, и барка пошла заметно тише. Чтобы еще задержать ее, Илья скомандовал «поддержать корму», и барка пошла кормой почти около самого берега. Вон и два кедрика на берегу, и матерый пенёк, о котором говорил Илья. Лодка с косными отделилась от барки и стрелой понеслась к берегу. Кое-как при-ткнувшись к берегу, косные разом выскочили из лодки и потащили волочившуюся по земле снасть к кедром. Барка в это время уже

проплыла мимо них, и Вавило быстро спускал в воду размотанную снасть, чтобы ее не выдернуло из рук у косных.

– Готово! – донеслось с берега.

– Крепи снасть! – скомандовал Илья.

Водолив накинул на огниво приготовленную петлю и натянул канат его на свободный конец. Барка вздрогнула, точно ее кто-нибудь схватил могучей рукой за дно. Снасть несколько раз тяжело шлепнула по воде, а потом быстро потянулась и задрожала, как струна. Барка почти совсем остановилась.

– Трави снасть! – кричал Илья.

Вавило спустил несколько оборотов, снасть опять тяжело шлепнулась в воду, и огниво задымилось. Барка точно сделала попытку освободиться от державшей ее узды и опять пошла вперед.

– Снасть трави!.. Снасть трави! – кричал Илья.

От огнива белыми клубами повалил густой дым, но его сейчас же залили водой. Снасть опять натянулась, но теперь барка уже потеряла половину приобретенной от движения по реке скорости и точно сама по-

дошла к берегу.

– Крепи снасть намертво, – скомандовал Илья.

Снасть была завернута вокруг огнива мертвой петлей, и барка стала.

Илья поблагодарил бурлаков за дружную работу и поздравил с счастливой хваткой.

– Тебе спасибо, Илья Максимыч! – ответили десятки голосов. – Твоей головой держимся...

Была брошена на берег сходня, и бурлаки гуськом потянулись с барки.

Скоро на берегу запылала яркие костры. Около них толпились десятки бурлаков, точно китайские тени на экране волшебного фонаря. Кто варил кашу в чугунном котелке, кто грел у огонька застывшие руки, кто жевал сухую черную корочку, подставляя спину к огню, кто просто толкался между другими людьми, чтобы размять отекающие от стоянья ноги. Некоторые сидели, другие укладывались спать. Тут же, около огонька, свернется калачиком, положит кулак под голову, да и спит таким сладким сном, каким, вероятно, никогда не спят богачи на своих пуховиках и

пружинных матрацах.

...А над Чусовой уже нависала короткая весенняя ночь с ее мягкими сумраком, холодом и лихорадочно горевшими звездами. Опять слышалась возня уток, и где-то в болоте без конца скрипел коростель...

IX

Ранним утром, когда я еще спал, барка отвалила и «побежала» вперед. Сквозь сон до меня доносилась команда Ильи: «нос направо», «поддержи корму», но я спал, как убитый. Топот бурлацких ног на палубе, шум воды около бортов и бултыханье поносных как-то совсем слились с беспорядочными ночными грезами: то казалось, что барка летит прямо на боец, то слышался отчаянный крик утопающих, то наступала зловещая, мертвая тишина...

На воде, как, вероятно, случалось наблюдать многим, особенно развивается аппетит, а затем одолевает самый крепкий сон. Я продолжал лежать на своей лавочке, закутавшись в плед, когда по дну барки точно что черкнуло. Но это были пустяки: вероятно, барка задела за край подводного камня, а потом опять спокойно поплыла вперед. Я спал, когда сильный толчок заставил меня вскочить. Слышался глухой шорох, точно барка катилась по сухому гороху.

— Ничего, за огрудок немножко задели, —

объяснил мой спутник, раскуривая папиросу. – Теперь не опасно... Барка почти совсем выбежала из камней; если попадем куда-нибудь на мель, так это не велика беда. Вот пониже Камасина, там будет работа...

– А что?

– Да пониже Кумыша... Слыхали про боец Молоков?

– Слыхал.

– Ну, там стоит посмотреть.

Когда мы так разговаривали, шорох повторился несколько раз, а затем барка разом врезалась во что-то мягкое и остановилась. Только вода глухо бурлила около бортов, да поносные продолжали напрасно бить направо и налево. Я вышел на палубу. Барка села на мель.

– Дряннь дело, – проговорил Илья, спускаясь со скамейки.

Бурлаки безучастно стояли на палубе и ждали, что скажет сплавщик.

– Что теперь будем делать? – спрашивал я.

– А вот надо, как-никак, с огрудка сыматься.

Очевидно, мы выбежали из гор. Впереди и

по бокам расстилалась широкая равнина, где среди леса мелькали правильными квадратами поля, зеленели озими, и где-то далеко-далеко, на крутом берегу, виднелась деревня. По реке медленно плыли почерневшие, рыхлые льдины; на противоположном берегу стояла, покосившись, обмелевшая барка.

– Это откуда лед-то идет? – спрашивал я Илью.

– Да из Койвы, барин, – нехотя отвечал старик, которому было теперь не до меня. – Речка такая есть, Койвой называется, ну, лед из нее и идет... Того гляди, еще барку подрежет.

– Это как?

– А так: начнет льдина за льдиной по барке резать, ну, и прорежут борт... Ах ты, грех какой вышел! Никогда на этом самом месте огрудка не бывало, а тут вдруг огрудок.

– А деревня впереди какая?

– Да это Камасино... Ах ты, грех какой вышел!.. а!..

Деревня Камасино служит резкой гранью для Чусовой: здесь она окончательно выбегает из гор, впереди стелется волнистая равнина, покрытая лесом, пашнями и заливными

лугами. Вдали можно было рассмотреть железнодорожный мост, перекинутый через Чусовую на высоких каменных устоях. Здесь Чусовую пересекает недавно построенная Уральская горнозаводская железная дорога. Около Камасина существует целый ряд опасных мелей, потому что река здесь разливается в низких берегах очень широко.

– Ну, братцы, как мы будем сымать барку? – спрашивал Илья, обращаясь к бурлакам.

Бурлаки переминались и ничего не отвечали. Илья нетерпеливо крикнул, бросил на палубу свои кожаные рукавицы и обратился к косным.

– Спускайте неволю... Попробуем сперва неволей сняться, авось и слезем с огрудка.

Неволей называется громадное бревно, затесанное с обеих сторон; оно походит на громадную доску, в несколько вершков толщины. Таких неволь при каждой барке обыкновенно две, и они плывут около бортов, несколько предохраняя борты от ударов о бойцы.

Через пять минут косные были готовы, то есть сняли кафтаны, сапоги и остались в од-

них рубахах. Один из них, здоровый мужик с русой бородкой, засучил штаны и, держась за борт барки, встал на неволю.

– Ах, студяно, – проговорил он, пробуя голдой ногой холодную воду, – жгется вода-то...

– Ну, ну, не разговаривай! – кричал Илья. – Вавило, отвязывай неволю, а ты, Сергей, иди на конец.

Молодой парень в красной рубахе тряхнул волосами, перекрестился и разом перескочил через борт на неволю.

– Приготовь чегень, Прошь!

– Готово, – отозвался мужик, с русой бородкой, меряя дно коротким колом, который называется у бурлаков «чегенем». – Четвертей пять будет, – проговорил он...

– Видно, нечего делать, придется идти в воду, – решил Илья. – Не берет неволя... Ну, кто из молодчиков воды не боится? Ну, ребятки, которые помоложе, раздевайтесь да за работу!

Косные и человек десять молодых бурлаков сняли лапти, зипуны и остались в одних рубахах. Нужно было спускаться в воду под левое плечо, чтобы сдвигать его чегенями. Ра-

бота в холодной весенней воде тяжелая и крайне опасная. Бурлаки ее не любят, но приходится лезть в воду, потому что время не ждет. Мимо нас проплыло уже несколько барок. Завидно было смотреть на них, когда своя барка лежит на песке, как черепаха.

– Ну, братцы, чегени левое плечо! – командовал Илья, бегая по передней палубе. – А вы, как ударят поносные, – кричал он косным на неволе, – поворачивай неволю... Да разом, братцы! Все разом...

Человек пятнадцать бурлаков выстроились под левым плечом барки и подхватили его своими чегенями.

Некоторым вода доходила по грудь. Лица посинели, у многих стучали зубы от холода. Положение было самое некрасивое... Чего стоило простудиться в этой ледяной воде и потерять не только здоровье, но и жизнь. От таких съезок много бурлаков уходят в могилу или на всю жизнь остаются калеками.

Когда неволя была приготовлена, и бурлаки стояли у поносных, Илья сам затянул «Дубинушку».

Што, ребята, присмирели,

Али выпить захотели...

Бурлаки подхватили.

*Ой, дуби-инушка ухнем!
Раззеленая сама пойдет,
Сама пойдет... Подернем!..*

– Идет барка! – кричал Илья, меряя воду длинным шестом. – Еще маненечко!.. Нос на-

лево, молодцы!.. – кричал Илья. – Корму под-
дорми... корму! корму!

Барка, как черепаха, поворачивала корму,
крайне тяжело буравя носом песок, который
под левым плечом образовал целую гору.

– Подчегенивай левое плечо!! – кричал
Илья. – Молодцы, подчегенивай!.. Ай да мо-
лодцы!.. Еще разик!..

– Барка пошла... Барка пошла!! – закричали
десятки голосов, и бурлаки с чегенями, как
кошки, принялись карабкаться по бортам.

Барка была уже на вольной воде и тихо по-
плыла кормой вперед, «отурилась», как гово-
рят бурлаки.

– Ну, слава богу, – проговорил Илья, – спа-
сибо, ребятушки!.. По стакану водки на бра-
та!..

После такой ледяной ванны водка была
необходимостью, чтобы хоть немножко со-
греться. У некоторых бурлаков нечем было
переменить мокрые рубахи, и они прямо на
них надевали свои сермяги.

– У поносного-то согреются поманеньку, –
объяснил Илья. – Этакий грех вышел... Поди
ты!

– Отчего у вас огня нет на барке, Илья? – говорил я. – Вот бы бурлаки и погрелись...

– Ну, нет, барин, ежели из ледяной воды да к огню, – тут тебе и конец... Уж это мы даже очень хорошо знаем! Который бурлак, ежели не обтерпитя так, да сунется к огню, – сейчас пропал. Верно!.. Это уж завсегда так. У кого руки отнимутся, у кого ноги, а кто и совсем помрет.

– Да это хорошо говорить, когда на тебе все сухое, а каково вон им, которые в мокром стоят на палубе...

– Что же делать, потерпят... Ведь не впервой... Вот у Молокова да у Разбойника все согреются, пот прошибет. Ах, ты, подумаешь, грех какой вышел!.. А?!

Х

Мы проплыли мимо деревни Камасино, под железнодорожным мостом, а затем показалась скоро и небольшая деревенька Кумыш. Эта последняя деревня замечательна тем, что пониже ее стоят самые опасные бойцы на всей Чусовой, – Молоков и Разбойник. Много барок бьется о них, особенно в высокую воду. Чусовая идет здесь в низких берегах, широким разливом, далеко заливая поемные луга; Молоков и Разбойник являются как бы последним и самым страшным препятствием, которым старик Урал загораживает еще раз путь горной красавице Чусовой.

Под Молоковым Чусовая делает поворот, и в привале этого поворота, куда сносит струей барку, стоит страшный боец. Самый камень издали не представляет собой ничего особенно страшного: это большая скала, которая повернулась навстречу воде своим отлогим краем. Вот по этой-то отлогости вода взбегаёт высоко на самый боец, а затем с страшным ревом и стоном бежит назад, в реку, образуя под бойцом настоящий ад из пеня-

щихся волн. Еще издали слышно, как ревет река под Молоковым, а ближе вы видите только, что вся вода здесь превращается в сплошной поток белой пены, точно под бойцом кипит молоко. Отсюда и название самого бойца – Молоков.

– Шапки долой! – командовал Илья, когда наша барка с гробовым молчанием начала подходить к бойцу. – Постарайтесь, родимые!..

Конечно, бурлаков нечего просить о работе, они сами сознают всю важность наступающего момента и не пожалеют силы, чтобы барка птицей пролетела под самым страшным бойцом.

Нашу барку подхватило струей и со страшной быстротой понесло прямо на боец.

Река суживается к бойцу, и чувствуешь, как барку подхватывает могучая стихийная сила и с увеличивающейся быстротой мчит к страшному каменному выступу.

Вот уж мы в полосе пенящейся воды, которая, как бешеная, лезет седыми гребнями на борты нашей барки... Вот и сам грозный Молоков... Он точно растет с каждой секундой и

быстро приближается к нам. Сознание собственного движения как-то теряется в этом хаосе звуков, голова кружится, и кажется, что мимо барки бегут берега, а впереди ждет неумолимая, кипящая бездна. Но вот несколько сажен до Молокова... в воздухе стоит водяная пыль... Еще одна секунда, и нас измелет в страшном водовороте... В самый критический момент, когда общая гибель кажется неизбежной, раздается команда Ильи, поносные разом упали в воду, и барка быстро прошла под бойцом, в каких-нибудь двух аршинах от рокового выступа.

Мы спасены. Не верится, что опасность миновала так быстро. А впереди ждет Разбойник, но теперь он уже не страшен нам, потому что барка плывет по суводи.

– Похаживай, молодцы! – весело покрикивает Илья, похлопывая своими кожаными рукавицами.

Под Разбойником барка прошла благополучно. У всех отлегло от сердца. Слышатся смех и веселый говор. Кто-то мурлычет себе под нос песенку. Вон на берегу лес, дальше поля, изгороди, а там крошечная безыменная

деревенька приткнулась на высоком берегу, на самом юру и весело смотрит под гору, где под кручей вереницей бегут коломенки.

– А есть на Чусовой еще такие места, как Молоков с Разбойником? – спрашивал я у Ильи.

– Таких-то нет, а около того попадаются... Сплавщик с Дружным, Печка с Высоким: одна у них музыка-то, пожалуй. Ничего, хорошие, веселые бойцы!..

Если в горной части Чусовой можно встретить разбитые барки, то ниже Камасина начали попадаться барки обмелевшие. Кое-где они снимались с огрудков, как и мы у Камасина, другие совсем обсохли и стояли наполовину в воде без всяких признаков жизни. Рабочие ушли, а груз караулили одни водоливы.

Остальной наш путь, кроме исторических воспоминаний, не представлял ничего особенного. Попало несколько сел, которые красовались на высоком берегу, а там – или луга, или лес. На всем пути от Камасина до Перми, чуть не на трехсотверстном расстоянии, стоит всего одно селенье, это – Верхние и Нижние Чусовские Городки, которые имеют для

настоящего времени только исторический интерес, как одно из первых русских поселений на Чусовой.

...На четвертый день мы благополучно привалили в Пермь. Здесь, на пароходе, сидя в общей каюте второго класса, я долго перебирал впечатление тревожного пути по Чусовой. Только испытавши все опасности сплава на барке, настоящим образом оценишь все удобства путешествия даже на самом скверном пароходе.

Примечания

1

Поносные, или потеси, – громадные бревна, заменяющие руль.

[^^^]